МИРОСЛАВА ВЕРЕСКОВА

КОЭФФИЦИЕНТ ПРИТЯЖЕНИЯ

Служебный роман высокой точности

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАН ◆ МОСКВА

Мирослава Верескова

Коэффициент притяжения

«Автор»
2026

Верескова М.

Коэффициент притяжения / М. Верескова — «Автор», 2026

В агентстве «Синтез-Медиа» сталкиваются две непримиримые силы. Руководитель креативных стратегий Елизавета Соколова привыкла доверять психологической интуиции и скрытым мотивам людей. Ведущий архитектор данных Марк Румянцев верит исключительно в математические формулы и холодные цифры. Когда на кону оказывается стратегический контракт элитного клуба «Орион», руководство требует объединить усилия и протестировать созданный алгоритм совместимости на самих разработчиках. Невероятный результат в девяносто девять и восемь десятых процента ставит под угрозу профессиональную броню обоих. Смогут ли гордость и старые раны уступить место настоящему чувству, когда на пути встанут промышленные шпионы и самый непредсказуемый фактор в мире: человеческое сердце?

© Верескова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Уравнение с двумя неизвестными 5
Глава 2. Тестовый прогон 9
Глава 3. Погрешность в две десятых 13
Глава 4. Полевые испытания 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Мирослава Верескова
Коэффициент притяжения

Глава 1. Уравнение с двумя неизвестными

Утренний ноябрьский туман за окнами сорок второго этажа башни «Федерация» походил на взбитое серое молоко, в котором растворились набережная, мосты и бесконечная вереница машин. Елизавета Соколова стояла у панорамного стекла, прижимая к ладоням картонный стаканчик с двойным эспрессо. Кофе обжигал пальцы, но это было единственным спасением после четырех часов беспокойного сна. На столе в ее кабинете ровными стопками лежали аналитические отчеты, исчерканные разноцветными маркерами, а на экране планшета мерцали графики фокус-групп.

Лиза сделала глоток, поморщилась от терпкой горечи и поправила воротник темно-синего кашемирового жакета. В агентстве «Синтез-Медиа» она руководила направлением качественных исследований и креативных стратегий уже три года. За это время она успела выучить простую истину: люди никогда не говорят социологам чистую правду. Они приукрашивают привычки, придумывают благородные мотивы для глупых покупок и стыдливо замалчивают то, о чем действительно думают перед сном. Чтобы понять потребителя, Лиза всматривалась в микропаузы между фразами, в нервное подергивание пальцев и в то, как человек отводит глаза при прямом вопросе. Ее метод строился на эмпатии, интуиции и глубоком понимании человеческих слабостей.

Дверь кабинета распахнулась без стука. На пороге возникла Алина Воропаева, ее старший аналитик и по совместительству главная живая энциклопедия офисных новостей. В руках у Алины дымилась чашка зеленого чая, а в глазах плясали тревожные искорки.

«Лиза, ты уже видела рассылку от секретариата?» выпалила Алина, прикрывая за собой дверь плечом. «Общий сбор в большой стеклянной переговорной через десять минут. Глеб лично разослал уведомления с пометкой особой важности. Похоже, слухи о тендере века подтверждаются».

Лиза повернулась к подруге, поставив стаканчик на подоконник. Ее брови чуть приподнялись. «Речь о закрытом конкурсе клуба Орион?»

«Именно о нем», подтвердила Алина, понизив голос до заговорщического шепота. «Говорят, госпожа Розенталь решила сменить всю цифровую архитектуру своего закрытого сообщества. Она ищет команду, способную совместить глубинную психологию с поведенческими моделями. Бюджет контракта восьмизначный. Но самое интересное не это. Глеб хочет выставить на проект объединенную группу».

Лиза насторожилась. В груди шевельнулось нехорошее предчувствие, которое никогда ее не обманывало. «Объединенную? С кем именно?»

Алина вздохнула и сочувственно поджала губы: «С отделом системного анализа и машинного обучения. То есть с Румянцевым».

Лиза тихо выдохнула сквозь зубы. Имя Марка Румянцева в коридорах агентства произносили либо с благоговейным придыханием, либо с глухим раздражением. Марк возглавлял архитектуру больших данных, ходил в идеально выглаженных строгих рубашках без галстука, говорил ровным баритоном без единой лишней эмоции и искренне верил, что любую человеческую драму можно разложить на матрицу вероятностей. Для него люди были не живыми личностями со своими страхами и надеждами, а массивами неструктурированных данных, подлежащих очистке от шума.

«Прекрасно», с легкой иронией произнесла Лиза, подхватывая планшет. «Значит, утро перестает быть просто хмурым и плавно переходит в категорию стихийных бедствий. Пойдем, послушаем, как наш великий комбинатор собирается оцифровать человеческую душу».

В центральной переговорной, прозванной сотрудниками «Аквариумом» за прозрачные стены от пола до потолка, уже собрались руководители ключевых подразделений. Во главе длинного стола из светлого дуба восседал Глеб Тарасов, генеральный директор «Синтез-Медиа». В свои сорок пять Глеб выглядел как человек, знающий точную цену каждой секунде: безупречный серый костюм тройка, платиновые запонки и цепкий, сканирующий взгляд опытного стратега.

Справа от директора сидел Марк Румянцев. Он даже не поднял головы, когда Лиза и Алина вошли в зал. Марк сосредоточенно изучал строчки кода на экране своего ультрабука, быстро перемещая пальцы по клавиатуре. Его темные волосы были коротко и аккуратно подстрижены, на переносице лежали тонкие металлические очки, придававшие лицу выражение ледяной академической строгости. Единственной деталью, выбивавшейся из образа идеального офисного робота, была привычка едва заметно постукивать безымянным пальцем по корпусу ноутбука в моменты глубокой концентрации.

Лиза опустилась в кресло напротив него. На секунду их взгляды встретились. Глаза Марка, холодного серого оттенка зимнего балтийского льда, скользнули по ее лицу без тени улыбки, лишь вежливо зафиксировав присутствие коллеги.

«Коллеги, рад всех видеть в полном составе», начал Глеб Тарасов, дождавшись, пока закроется звукоизолирующая дверь. «Перейдем сразу к делу, времени на раскачку у нас нет. Полчаса назад совет директоров элитного международного клуба Орион официально уведомил нас о включении в финальный шорт-лист закрытого тендера. На кону разработка нового поколения интеллектуальной системы подбора персональных альянсов. Это касается как делового партнерства высшего эшелона, так и приватных знакомств для основателей транснационального бизнеса».

По переговорной пробежал сдержанный гул. Клуб «Орион» был легендой среди финансистов и венчурных инвесторов. Попасть туда можно было только по рекомендациям трех действующих членов клуба с состоянием от пятидесяти миллионов долларов. Ошибиться в таком кругу значило потерять репутацию навсегда.

«Президент клуба, Виктория Розенталь, категорически недовольна существующими на рынке решениями», продолжал Тарасов, оперевшись локтями о стол. «Обычные анкеты и психологические опросники безнадежно устарели. Люди врут, выдают желаемое за действительное. С другой стороны, чистые математические алгоритмы не улавливают тонких нюансов темперамента и культурного контекста. Розенталь требует синтеза. Ей нужен продукт, который гарантирует попадание не менее девяноста пяти процентов. И мы обязаны предложить этот продукт первыми».

Глеб обвел взглядом присутствующих и остановился на Лизе и Марке: «Именно поэтому проект возглавите вы вдвоем. Лиза отвечает за глубинную методологию, психологические маркеры и поведенческие триггеры. Марк за архитектуру предиктивной модели, нейросетевую обработку и математическую верификацию. Сроки драконовские: первая концепция и рабочий прототип должны лежать на столе у госпожи Розенталь через четыре недели».

Лиза выпрямилась в кресле, почувствовав, как внутри вспыхивает профессиональный азарт пополам с привычным сопротивлением: «Глеб, при всем уважении к математическому департаменту, человеческая привязанность и совместимость не подчиняются бинарной логике. Нельзя загнать химию общения в формулу регрессии. Если мы начнем подбирать пары только по числовым совпадениям интересов, мы получим двух скучающих роботов, которые разойдутся через полчаса после первого свидания».

Марк Румянцев плавно закрыл крышку ноутбука. Звук щелчка магнитной защелки прозвучал в тишине комнаты неожиданно громко.

«Человеческая химия, как вы изволили выразиться, Елизавета Андреевна, представляет собой вполне предсказуемый комплекс биохимических и когнитивных реакций», произнес Марк своим низким, абсолютно невозмутимым голосом. «То, что вы называете интуицией, на практике является быстрой обработкой микросигналов, которую человеческий мозг просто не успевает осознать. Если разложить поведение человека на сто пятьдесят ключевых параметров, от темпа речи и двигательной моторики до структуры финансового планирования, точность прогноза возрастает в разы. Ошибаются не цифры. Ошибаются субъективные интерпретаторы, которые пытаются судить о сложном явлении по блеску в глазах».

Лиза усмехнулась, скрестив руки на груди: «Вот только люди влюбляются и доверяют партнерам вовсе не потому, что у них совпадают таблицы в экселе. Если ваш алгоритм не учитывает парадоксальность человеческих желаний, когда человека тянет к его полной противоположности, этот проект обречен на провал на первом же реальном тесте».

«Алгоритм, который мы создадим, будет учитывать любые парадоксы, если они поддаются формализации», парировал Марк, спокойно глядя ей прямо в глаза. «Математика не отрицает хаос, она находит в нем скрытый порядок. А вот ваши интуитивные догадки невозможно масштабировать на тысячу пользователей закрытого клуба».

Глеб Тарасов с видимым удовольствием наблюдал за этой перепалкой. Он слегка постучал ладонью по столу, прекращая спор: «Вот этот огонь мне и нужен в финальной презентации. Вы дополняете друг друга идеально: огонь и холодный расчет, психология и жесткая структура. Марк, Лиза, с этой минуты вы работаете в тандеме. Все второстепенные задачи с вас снимаются. Выделите отдельную закрытую зону для рабочей группы. Завтра в десять утра жду от вас базовый план архитектуры. Свободны».

Сотрудники начали неторопливо покидать переговорную. Алина ободряюще коснулась плеча Лизы и поспешила к выходу, пообещав принести свежий чай.

Лиза не спешила вставать. Она аккуратно убрала стилус в паз планшета и посмотрела на Марка, который уже упаковывал ноутбук в тонкий кожаный чехол.

«Итак, Румянцев», негромко сказала она. «Похоже, нам придется провести ближайший месяц в одной лодке. Предлагаю сразу договориться о правилах береговой охраны».

Марк застегнул молнию чехла и поднял на нее глаза. Без очков его взгляд казался менее строгим, хотя в глубине зрачков все равно читалась холодная сосредоточенность.

«Я предпочитаю называть это техническим регламентом», отозвался он. «Правило первое: все гипотезы проверяются фактическими данными, а не ощущениями. Правило второе: споры ведутся исключительно по существу задачи, без перехода на личности и философских отступлений. Правило третье: рабочие материалы согласуются до полуночи, чтобы утром не тратить время на выяснение разногласий».

Лиза покачала головой, чувствуя, как на губах сама собой появляется легкая ироничная улыбка: «А правило о том, что живые люди имеют право на ошибки и эмоции, в вашем регламенте не предусмотрено?»

«Эмоции на рабочем месте являются энергозатратным шумом, снижающим производительность», не моргнув глазом ответил Марк. «Если мы хотим выиграть контракт у холдинга Нексус, нам потребуется абсолютная точность. Вы ведь в курсе, что Вадим Смирнов тоже подал заявку на этот тендер?»

При упоминании фамилии Смирнова атмосфера в переговорной мгновенно изменилась. Лиза заметила, как на скулах Марка на долю секунды напряглись желваки. Смирнов руководил цифровыми проектами в «Нексусе» и славился своей беспринципностью. Но Лиза знала и другое: несколько лет назад Марк и Вадим были сооснователями многообещающего аналитического стартапа, который внезапно прекратил существование со скандалом.

«Знаю», серьезно ответила Лиза. «И знаю, что Смирнов не побрезгует ни промышленным шпионажем, ни черным пиаром. Значит, у нас действительно нет права на ошибку».

Марк на мгновение задержал на ней внимательный взгляд, словно оценивая, насколько искренне прозвучали ее слова. В его голосе впервые проскользнула едва уловимая человеческая нотка: «Завтра в девять тридцать в восточной переговорной. Принесите ваши опросники и методики оценки эмоционального интеллекта. Попробуем перевести их на язык, понятный серверу».

«Договорились, Румянцев. Но учтите: превратить меня в строчку бинарного кода у вас все равно не выйдет».

«Я никогда не ставлю перед собой заведомо невыполнимых задач, Елизавета Андреевна», ответил Марк, взял свой чехол и ровным шагом вышел из зала.

Лиза осталась одна в пустой стеклянной комнате. За окном туман начал медленно рассеиваться, открывая золотистые отблески холодного солнца на острых гранях соседних небоскребов. Она сделала глубокий вдох. Предстоящая битва обещала быть захватывающей, и что-то внутри подсказывало ей, что самым сложным уравнением в этом проекте станет вовсе не алгоритм клуба «Орион», а человек, с которым ей только что поручили делить общую победу.

Глава 2. Тестовый прогон

Восточная переговорная, отведенная под закрытую лабораторию проекта, разительно отличалась от стерильного пространства «Аквариума». Здесь стояли широкие кожаные кресла цвета горького шоколада, на магнитно-маркерной доске во всю стену уже ветвились разноцветные блок-схемы, а в воздухе витал густой аромат свежезаваренного кофе из маленькой капсульной кофемашины, которую Лиза принесла из дома еще в прошлом году.

Марк Румянцев сидел за круглым столом, окруженный тремя мониторами. На одном экране бежали потоки логов, на втором была открыта матрица факторного анализа, а третий оставался пустым, ожидая данных от Лизы. На часах было ровно девять двадцать восемь. Лиза вошла в комнату, когда секундная стрелка на настенных часах делала последний оборот перед половиной десятого.

«Доброе утро, Румянцев. Вижу, вы пришли раньше регламента на целых двенадцать минут», с легкой улыбкой произнесла Лиза, опуская на стол увесистую папку с материалами и стаканчик с водой.

Марк не поднял глаз от монитора, но уголок его рта едва заметно дрогнул: «Пунктуальность в моем понимании означает прибытие за десять минут до назначенного срока. Это позволяет исключить влияние внешних случайных факторов, вроде застрявшего лифта или нерасторопного бариста на первом этаже. Ваши материалы готовы?»

«Более чем», Лиза придвинула кресло и раскрыла папку. «Я систематизировала методику оценки глубинной совместимости на три базовых кластера. Первый кластер: реакция на стресс и неопределенность. Люди могут прекрасно ладить на солнечных курортах, но если при кризисе один замыкается в себе, а второй начинает агрессивно требовать немедленных ответов, союз распадается за три недели. Второй кластер: ценностные приоритеты и отношение к автономии. Насколько человеку жизненно необходимо личное пространство. И третий кластер: эмоциональная искренность. Способность признавать уязвимость без страха показаться слабым».

Марк повернулся к ней, скрестив пальцы в замок: «В теории звучит складно. Но как вы намерены измерять эту вашу способность признавать уязвимость? В граммах, процентах или попугаях? Компьютерная нейросеть не оперирует абстрактными метафорами. Ей нужны четкие дискретные шкалы от нуля до единицы, частота пульса, тайминг пауз перед ответом и семантический анализ ключевых лексем».

«А вы всегда требуете линейку для измерения того, что чувствует сердце?» парировала Лиза, подавшись вперед. «Мы не будем спрашивать человека напрямую, умеет ли он любить. Мы предложим ему ситуационные дилеммы с двойным дном. Например, что вы выберете: признать публичную ошибку в расчетах, сохранив доверие партнера, или скрыть сбой, решив проблему втайне ночью?»

Марк слегка прищурился: «Разумеется, скрыть сбой и решить проблему ночью, если это не наносит прямого ущерба проекту. Лишняя тревожность партнера снижает общую продуктивность команды».

«Вот видите», торжествующе усмехнулась Лиза. «Вы только что продемонстрировали классический паттерн закрытого контролера с избегающим типом привязанности. И если ваш потенциальный партнер окажется тревожным искателем поддержки, ваш союз превратится в круглосуточную войну нервов».

Марк собирался ответить, в его взгляде уже вспыхнула холодная аналитическая искра, но закончить фразу он не успел. Тяжелая дубовая дверь переговорной тихо скользнула в сторону, и в комнату вошла женщина, чье появление мгновенно заставило замолчать обоих.

Виктория Розенталь не нуждалась в представлении. Основательнице и бессменному президенту элитного клуба «Орион» было слегка за пятьдесят, но выглядела она так, словно время заключило с ней персональный пакт о ненападении. Безупречный брючный костюм цвета слоновой кости от кутюр, короткая графичная стрижка платинового оттенка, ни грамма лишней косметики и глаза цвета полированного обсидиана, способные просветить человека насквозь без всякого рентгена. За ее спиной безмолвной тенью стоял Глеб Тарасов, чье обычно уверенное лицо сейчас выражало предельную почтительность.

«Продолжайте, молодые люди, не останавливайтесь», произнесла Розенталь мягким, бархатистым голосом, в котором, однако, безошибочно угадывалась привычка отдавать приказы главам корпораций. «Мне чрезвычайно нравится ваш диалог. Избегающий контролер и проницательный психотерапевт. Прекрасная экспозиция для начала большого дела».

Лиза и Марк синхронно поднялись на ноги.

«Госпожа Розенталь, добро пожаловать в Синтез-Медиа», с безукоризненной вежливостью произнес Марк, склонив голову. «Мы как раз обсуждали структуру калибровки поведенческих шкал для первой итерации прототипа».

Виктория медленно подошла к столу, сняла тонкие кожаные перчатки и опустилась в свободное кресло во главе стола. Ее цепкий взгляд скользнул по доске со схемами, затем по экранам Марка и, наконец, остановился на Лизе.

«Я приехала без предупреждения не ради вежливых протокольных речей, Елизавета», спокойно сказала гостья. «Ваш генеральный директор очень убедительно расписывал мне синергию ваших талантов. С одной стороны, мистер Румянцев с его математическим высокомерием и верой в абсолютную непогрешимость двоичного кода. С другой стороны, вы, с вашим чутьем на человеческие пороки и скрытые мотивы. Но меня интересует только одно: работает ли ваша модель на практике, или это очередная красивая презентация для выкачивания клиентских бюджетов?»

«Наша модель работает на пересечении доказательной когнитивной психологии и машинного обучения», твердо ответила Лиза, не отводя взгляда. «Мы исключаем социальную желательность ответов. Человек не сможет обмануть систему, потому что мы анализируем не то, кем он хочет казаться, а то, как именно он делает выбор в условиях ограниченного времени».

Виктория чуть заметно усмехнулась, опершись подбородком на унизанную неброскими кольцами руку: «Прекрасные слова, дорогая моя. Прямо для буклета. А теперь скажите мне вот что: готовы ли вы оба прямо сейчас сесть перед этой вашей системой и пройти ее полный протокол?»

В переговорной повисла звенящая тишина. Глеб Тарасов за спиной Розенталь едва заметно побледнел, но благоразумно промолчал.

Марк нахмурился: «Госпожа Розенталь, калибровка модели обычно проводится на репрезентативной выборке из контрольной группы. Тестирование авторов алгоритма не дает статистически значимой картины из-за эффекта информированности о структуре вопросов».

«Бросьте вашу академическую казуистику, Марк», отрезала Виктория, и в ее тоне прорезалась сталь. «В моем клубе состоят люди, чьи решения двигают биржевые индексы и меняют границы рынков. Они доверяют мне самое дорогое: свою безопасность, свои слабости и свое одиночество. Если создатели алгоритма боятся доверить своей собственной формуле собственные профили, значит, грош цена вашей работе. Либо вы прямо сейчас садитесь за терминалы и проходите полный полуторачасовой стресс-тест со взаимным анализом совпадений, либо я прямо отсюда еду в офис Нексуса к Вадиму Смирнову. У него, по крайней мере, хватает смелости демонстрировать свой продукт вживую».

Упоминание Смирнова сработало как спусковой крючок. Лиза переглянулась с Марком. В глазах аналитика она увидела холодную решимость, абсолютно созвучную ее собствен-

ному внутреннему протесту. Отдать контракт Вадиму из-за минутной нерешительности было немыслимо.

«Мы согласны», спокойно произнесла Лиза, глядя прямо в глаза миллиардерше. «Развертывайте боевой опросник, Марк. Мы пройдем все сто пятьдесят ситуационных задач».

Марк коротко кивнул: «Сервер готов к протоколированию. Система адаптирует динамические веса в реальном времени. Включаю синхронный режим тестирования».

Виктория Розенталь одобрительно прищурилась и откинулась на спинку кресла: «Прекрасно. Глеб, распорядитесь, чтобы нам принесли жасминовый чай. А вы, молодые люди, надевайте беспроводные кардиодатчики и приступайте. Я хочу видеть не только итоговый процент, но и график ваших сомнений».

Следующие полтора часа превратились в самое напряженное интеллектуальное испытание в жизни Лизы. На экран перед ней выводились сложные психологические дилеммы. Вопросы не терпели полутонов: от отношения к предательству во имя спасения семьи до готовности отказаться от карьерного триумфа ради душевного покоя близкого человека. Таймер безжалостно отсчитывал секунды на каждый ответ. Лиза чувствовала, как на запястье подрагивает пульсометр, фиксируя малейший скачок давления.

Наискосок от нее точно так же сосредоточенно работал Марк. Его лицо казалось высеченным из камня, но Лиза видела, как напряглись мышцы его шеи, а пальцы с непривычной силой ударяли по сенсорной панели. Время от времени он на несколько секунд замирал перед экраном, и в эти мгновения Лиза ловила себя на странной мысли: ей отчаянно хотелось узнать, на какой именно вопрос он сейчас мучительно ищет честный ответ.

Когда на экране вспыхнула финальная плашка с надписью «Тестирование завершено, данные переданы в ядро кластеризации», в комнате уже сгустились ранние вечерние сумерки. Панорамные окна отражали электрический свет ламп, превращая стекло в черное зеркало.

Марк нажал комбинацию клавиш на основном сервере, отправляя два массива данных на кросс-корреляцию: «Массивы сформированы. Расчет интегрального коэффициента совместимости займет около двадцати минут. Системе необходимо сопоставить матрицы эмоциональных профилей, когнитивных стилей и невербальных реакций».

Виктория Розенталь плавно поднялась с кресла, поправив жакет: «Превосходно. Я оставляю за собой право ознакомиться с результатами первой. Завтра ровно в полдень я жду вас обоих с распечатанным и верифицированным отчетом в ресторане на крыше гостиницы Националь. И не вздумайте подкручивать весовые коэффициенты, Марк. Моя служба безопасности умеет читать системные логи не хуже ваших инженеров».

Она мягко улыбнулась Лизе, кивнула Тарасову и легкой, бесшумной походкой покинула переговорную. Директор последовал за ней, бросив на подчиненных многозначительный взгляд, в котором смешались облегчение и немая мольба не провалить завтрашнюю встречу.

Дверь закрылась. В тишине комнаты остался лишь мерный, усыпляющий гул серверных блоков и тихий щелчок остывающей кофемашины.

Лиза медленно сняла с запястья датчик пульса и положила его на стол. Рука слегка подрагивала от перенапряжения.

«Ну и денек», выдохнула она, откидываясь на спинку кресла и закрывая глаза. «Кажется, меня только что вывернули наизнанку перед человеком, который может купить наше агентство на сдачу от утреннего круассана».

Марк не ответил. Лиза приоткрыла один глаз и посмотрела на коллегу. Румянцев неподвижно сидел перед монитором, на котором тускло пульсировала шкала обработки данных. Его взгляд был прикован к экрану с такой предельной сосредоточенностью, словно там решалась судьба галактики.

«Марк?» позвала Лиза, впервые назвав его просто по имени, без привычной ироничной фамильярности. «Что там? Сервер завис?»

Марк медленно снял очки, положил их на гладкую столешницу и потер переносицу. Когда он повернулся к ней, в его обычно бесстрастном взгляде читалось нечто совершенно невероятное: глубокое, почти шоковое замешательство.

«Сервер не завис», тихо произнес он, и его голос прозвучал непривычно глухо. «Обработка завершена на девяносто процентов. Но промежуточный коэффициент... он выходит за пределы любого статистического ожидания».

Лиза мгновенно выпрямилась, сонливость как рукой сняло: «В каком смысле? Мы несовместимы? Абсолютный ноль? Конфликтный индекс зашкаливает?»

Марк покачал головой, глядя на нее так, словно видел впервые: «Если бы ноль, это было бы объяснимо. Но система выдает девяносто девять целых и восемь десятых процента. Это абсолютная конвергенция ценностей и взаимного притяжения. И я не понимаю, в какой строчке кода закралась эта чудовищная ошибка».

Глава 3. Погрешность в две десятых

Лиза смотрела на сияющую зелеными цифрами строку на центральном мониторе и чувствовала, как в висках начинает мелко и настойчиво стучать кровь. Девяносто девять целых и восемь десятых процента. Рядом с цифрой мерцала аккуратная графическая диаграмма, расчерченная на двенадцать секторов: ценности, эмоциональный отклик, стиль принятия решений, сексуальный темперамент, базовая безопасность, автономия. Все сектора были залиты ровным изумрудным светом, образуя почти идеальный круг гармонии. Единственный крошечный зубец провисал в секторе бытового контроля, где Лизина склонность к спонтанному беспорядку конфликтовала с маниакальной страстью Марка к идеальной геометрии пространства.

«Девяносто девять и восемь?» Лиза издала короткий, нервный смешок и скрестила руки на груди. «Румянцев, признайся честно: ты просто выставил заглушку со случайным числом, чтобы произвести впечатление на Розенталь? Или твой хваленый алгоритм перегрелся от перепада напряжения?»

Марк даже не взглянул на нее. Он лихорадочно стучал по клавишам, вызывая на экраны дампы оперативной памяти и построчные листинги весовых коэффициентов: «Я не использую заглушки в боевом контуре. Ядро нейросети работает на кластере независимых серверов с тройным контролем контрольных сумм. Данные чистые. Оба профиля прошли полную нормализацию».

«Тогда объясни мне, как два человека, которые не могут без спора решить, при какой температуре заваривать кофе, по версии твоей машины являются кармическими близнецами?» Лиза обошла стол и встала за правым плечом Марка, вглядываясь в столбцы переменных. От него пахло морозным воздухом, свежевыглаженным хлопком и едва уловимым древесным ароматом с нотками черного перца. Этот запах был странно успокаивающим, несмотря на весь абсурд ситуации.

«Совместимость в нашей модели не означает тождественности характеров», Марк открыл подробную расшифровку кластеров, стараясь говорить максимально бесстрастным тоном, хотя кончики его пальцев выдавали внутреннее напряжение. «Если бы вы изучили базовые принципы системного анализа, то знали бы, что два одинаковых лидера с высоким уровнем контроля неизбежно уничтожат друг друга в борьбе за доминирование. Наш алгоритм оценивает взаимную компенсацию дефицитов. Смотрите сами».

Он указал курсором на первый график: «Ваш уровень когнитивной гибкости и стрессовой адаптивности составляет девяносто четыре балла. Вы действуете по наитию, легко перестраиваетесь в хаосе, но быстро выгораете при рутинной фиксации деталей. Мой профиль прямо противоположен: жесткая структура, высокая устойчивость к монотонным нагрузкам, но повышенная ригидность при внезапных внешних сбоях. В критической ситуации вы задаете вектор, я обеспечиваю тыл и стабильность. Система оценивает такую комбинацию как идеальный симбиоз».

«Симбиоз?» Лиза фыркнула, хотя про себя была вынуждена признать, что его раскладка звучала пугающе точно. «Звучит так, будто мы пара глубоководных моллюсков, приросших друг к другу ради выживания. А что насчет эмоционального блока? Там тоже идеальный симбиоз?»

Марк на секунду замялся, его взгляд скользнул к нижней строке отчета: «Эмоциональный блок базируется на скрытых реакциях кардиодатчиков во время ответов на триггерные вопросы. Когда система предложила дилемму о цене карьерного успеха и необходимости жертвовать близкими ради амбиций, ваш пульс участился на сорок процентов, а время реакции увеличилось до рекордных шести секунд. У меня зафиксирована идентичная реакция с задержкой

в пять целых и восемь десятых секунды. Оба наших профиля категорически отвергли предательство, несмотря на то, что это давало максимальные условные очки в карьерной матрице».

Лиза замолчала. В комнате снова стало тихо. Напряжение между ними словно сменило полярность: от колючей иронии к внезапной, интимной неловкости. Она вспомнила тот самый вопрос. На экране тогда высветился сценарий: «Ваш партнер допустил ошибку, ставящую под удар проект всей вашей жизни. Признание вины спасет его репутацию, но разрушит вашу карьеру. Ваш выбор?» Лиза помнила, как дрогнул ее палец, прежде чем она выбрала вариант взять удар на себя. И теперь выяснялось, что Марк, человек, которого весь офис считал бессердечным карьеристом, сделал точно такой же выбор.

Дверь переговорной внезапно распахнулась, разрушая повисшую паузу. В комнату влетела Алина Воропаева с бумажным пакетом из местной пекарни: «Ребята, я вам круассаны принесла с миндалем, а то вы тут сидите голодные уже...»

Алина осеклась на полуслове, заметив странные позы коллег. Лиза стояла вплотную к Марку, почти касаясь его плеча, а Румянцев смотрел в монитор с выражением лица человека, обнаружившего на Марсе следы славянской письменности.

«Так, я, кажется, не вовремя?» Алина подозрительно прищурилась, переводя взгляд с одного на другого. «Или вы уже подписали капитуляцию?»

«Мы закончили тестовый прогон для Розенталь», быстро произнесла Лиза, отступая на шаг назад и поправляя жакет. «И теперь пытаемся понять, почему программа выдала сбой в расчетах».

Алина с живым любопытством вытянула шею, заглядывая за монитор. Ее глаза расширились до размеров чайных блюдец: «Ого. Девяносто девять и восемь десятых? Это вы про кого? Про наших новых клиентов?»

«Это результат сопоставления профилей Елизаветы Андреевны и моих данных», абсолютно ровным голосом пояснил Марк, захлопывая панель подробной статистики.

Пакет с круассанами в руках Алины едва не спланировал на ковер. На ее лице расплылась широкая, восторженная улыбка: «Да ладно! Девяносто девять и восемь? Лиза, это же судьба в чистом виде! Я всегда говорила, что между вами летят такие искры, что можно прикуривать без зажигалки!»

«Алина, прекрати немедленно», строгим тоном оборвала подругу Лиза, чувствуя, как предательский румянец медленно заливает ее щеки. «Это чисто математическая аномалия, связанная с ограниченным размером тестовой выборки. Завтра нам нужно представить этот отчет Виктории Розенталь, и если мы покажем ей такие цифры, она решит, что мы над ней издеваемся или пытаемся разыграть дешевый водевиль».

«А вот тут вы не правы», возразил Марк, поднимаясь из-за стола и собирая распечатанные графики в плотную черную папку. «Розенталь прямо заявила, что ее интересует чистый результат без фальсификаций. Если мы попытаемся искусственно занизить коэффициент или переписать данные, ее служба безопасности немедленно вскроет подлог в системных логах. Это будет означать мгновенную дисквалификацию Синтез-Медиа из тендера».

«И что ты предлагаешь?» Лиза повернулась к нему, с вызовом глядя в глаза. «Прийти завтра в Националь и с невозмутимым видом заявить: Поздравляем, госпожа Розенталь, ваша система идеально соединяет двух ваших главных подрядчиков, распишитесь в получении чека?»

«Именно так», не моргнув глазом ответил Марк. «Мы представим отчет как безупречное доказательство точности алгоритма. Мы объясним каждый процент. Мы покажем, как система улавливает тончайшие соответствия ценностей, скрытые под внешним профессиональным конфликтом. В конце концов, способность работать в связке с максимальной отдачей и есть высшая форма поведенческой совместимости».

Алина тихо захихикала в кулак, но под суровым взглядом Лизы тут же приняла невинный вид и положила пакет с выпечкой на подоконник: «Я просто оставлю круассаны здесь. А сама пойду... у меня там сводные таблицы по фокус-группам не сведены». Она бочком протиснулась к выходу и, уже взявшись за ручку двери, обернулась и одними губами прошептала Лизе: «Девяносто девять и восемь, подруга. Я ставлю на вас свой годовой бонус».

Когда за Алиной захлопнулась дверь, Лиза устало потерла лоб: «Завтра весь этаж будет шептаться об этом в курилке и у кофепойнта».

«Мнение офисного планктона не входит в перечень критических рисков проекта», Марк аккуратно вложил отчет в кожаный портфель и выключил мониторы один за другим. «Завтра в одиннадцать сорок пять я заеду за вами на служебном автомобиле. Встреча в Национале требует соблюдения определенного дресс-кода. Ресторан на крыше имеет строгий регламент делового элегантного стиля».

Лиза смерила его оценивающим взглядом: «Не беспокойтесь о моем стиле, Румянцев. Я знаю, как одеваться на встречи с миллиардерами. Главное, чтобы вы не надели свой любимый свитер с оленями, который вы прячете в шкафу отдела системных администраторов».

Марк на долю секунды замер, а затем в уголках его серых глаз блеснула редкая, искренняя усмешка: «Тот свитер с норвежским орнаментом был подарком моей бабушки, Елизавета. И он сделан из стопроцентной шерсти мериноса с идеальными терморегулирующими свойствами. Но завтра я буду в классическом костюме, можете не сомневаться».

Они вышли из переговорной в полутемный коридор. Рабочий день давно закончился, большинство столов пустовало, лишь в дальнем углу мерцал дежурный монитор охраны. Они спустились на бесшумном скоростном лифте на первый этаж, где стеклянный вестибюль башни встречал запоздалых гостей прохладой и мягким сиянием неоновых подсветок.

На улице сыпал мелкий сухой снег, кружась в свете фонарей. Воздух пах зимой, бензином и предновогодней суетой, которая уже начинала робко пробиваться сквозь строгий ритм делового квартала.

«Вас подвезти?» неожиданно спросил Марк, останавливаясь у стеклянных дверей выхода. «На дорогах восемь баллов, такси придется ждать не меньше двадцати минут».

Лиза удивленно посмотрела на него. В его голосе не было привычной расчетливой отстраненности, только простое, вежливое человеческое предложение. На долю секунды ей безумно захотелось согласиться: сесть в теплое тихое кресло его машины, помолчать, глядя на проплывающие огни Садового кольца, и не думать об отчетах и алгоритмах.

Но врожденная гордость и привычка держать дистанцию взяли верх: «Спасибо, Марк. Но я живу на Патриарших, мне проще доехать на метро три остановки без пробок. До завтра. И приготовьтесь к допросу: Розенталь не пропустит ни одной запятой в вашем отчете».

«Я всегда готов к допросу, Лиза», тихо ответил Марк, подняв воротник шерстяного пальто. «До завтра».

Он развернулся и зашагал в сторону подземной парковки, а Лиза еще несколько секунд стояла на ступенях башни, провожая взглядом его высокую, прямую фигуру, и думая о том, что эти две десятые процента несовместимости, возможно, были единственной преградой, защищавшей ее сердце от катастрофы.

Глава 4. Полевые испытания

Панорамные окна ресторана на крыше отеля «Националь» открывали открыточный вид на заснеженные башни Кремля, брусчатку Манежной площади и золотые купола соборов, окутанные морозной дымкой. За круглым столом в приватной ложе царила атмосфера дипломатического раунда. На накрахмаленной белой скатерти лежал раскрытый отчет в кожаном переплете.

Виктория Розенталь неторопливо листала страницы, держа чашку эспрессо тончайшего фарфора. Ее лицо оставалось непроницаемым. Марк сидел с безупречно прямой спиной, в темно-сером костюме от итальянских портных и белоснежной сорочке, держа перед собой планшет с резервными графиками. Лиза в строгом, но изысканном черном платье футляре с жемчужными сережками сохраняла внешнее спокойствие, хотя под столом ее пальцы сжимали шелковую сумочку с силой, достаточной для деформации металла.

«Девяносто девять целых и восемь десятых процента», наконец произнесла Виктория, опуская чашку на блюдце. Звук фарфора прозвучал как выстрел стартового пистолета. «Признаться, молодые люди, я ожидала от вас любого исхода: взаимных обвинений, технических отговорок, скромных семидесяти пяти процентов с примечанием о необходимости доработки. Но вы превзошли самые смелые фантазии моих аналитиков».

«Коэффициент отражает математически обоснованную взаимодополняемость когнитивных систем», спокойно начал Марк. «Мы провели стресс-тестирование по ста пятидесяти метрикам. На страницах с двенадцатой по двадцатую представлены графики кросс-корреляции...»

Виктория подняла руку в тонком золотом браслете, прерывая его речь: «Оставьте графики для моего финансового комитета, Марк. Бумага и экраны планшетов стерпят любую математическую абстракцию. Вы можете убедить алгоритм в том, что вы созданы друг для друга на небесах или в кремниевых чипах. Но меня интересует живая плоть и кровь. Как ваш хваленый симбиоз поведет себя в реальной стрессовой среде?»

Лиза переглянулась с Марком и мягко взяла инициативу в свои руки: «Госпожа Розенталь, наша система разработана именно для того, чтобы минимизировать стресс при взаимодействии. В отчете наглядно показано: когда один участник пары сталкивается с эмоциональной перегрузкой, второй автоматически берет на себя компенсаторную функцию».

Виктория тонко улыбнулась, и в глубине ее темных глаз вспыхнул искренний азарт: «Вот мы это и проверим, дорогая моя. Сегодня вечером в особняке на Остоженке состоится ежегодный зимний раут попечительского совета фонда Созидание. Там соберется весь свет: дипломаты, банкиры, коллекционеры и ключевые члены моего клуба Орион. На этом вечере вы будете присутствовать не как разработчики, а как пара. Официальные гости, демонстрирующие образец абсолютного взаимопонимания».

Лиза едва не поперхнулась глотком минеральной воды: «Простите? Как пара?»

«Именно так», подтвердила Виктория, откинувшись на спинку мягкого кресла. «Мои инженеры уже подготовили для вас микросенсоры нового поколения. Они замаскированы под запонки для Марка и колье для вас, Елизавета. Они считывают кожную проводимость, микротремор, температуру и частоту дыхания в реальном времени. Если ваш девяносто девять и восемь процентов выдержат три часа светского лицемерия, провокационных бесед с акулами бизнеса и косых взглядов завистниц, завтра в десять утра мы подпишем контракт на разработку закрытой платформы. Если же вы начнете фальшивить, спорить на публике или ваши датчики покажут глухое отторжение, контракт уйдет холдингу Нексус».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.